

Её матушка была певичкой по происхождению, и с таким положением дел иль о том, чтобы переступить порог поместья герцога, нечего было и мечтать — она даже до рукава самого герцога дотронуться не смела. Четырнадцать лет назад нынешний герцог был еще цветущим юнцом, полным сил и энергии, как молодой огурец. Однажды, отправившись на ночную прогулку по реке Циньхэ вместе с друзьями, он напился до беспамятства на расписной лодке. Матушка воспользовалась случаем, подсыпала ему зелье в вино и добила своего.

Что и говорить, а в способности подсыпать снадобье первоначальная хозяйка тела пошла в мать.

Добившись своего, матушка тут же исчезла. Герцог же решил, что просто перепил и ему приснился сладкий, чувственный сон. Кто бы мог подумать, что спустя добрых десятков месяцев она явится к его воротам с младенцем на руках.

В шоке пребывало не только герцогское поместье — по всей столице ходило пикантное и скандальное сплетение о том, как знойная женщина принесла к воротам знатного рода внебрачную дочь герцога.

Шэнь Яогуан понятия не имела, каким образом матушка доказала, что она — плоть от плоти герцога, но своей цели проникнуть в его поместье та добила. Правда, насладиться заслуженным благополучием ей довелось недолго — она вскоре испустила дух.

Шэнь Яогуан подцепила палочками кусочек вегетарианского мяса на вид вполне аппетитного цвета, отправила в рот, нахмурилась и брезгливо протянула:

— Какая гадость...

Цуй-Цуй прыснула:

— А барышня ведь только что нахваливала.

— Мне вообще не стоило питать иллюзий насчет стряпни из большой кухни. С виду ладно, а на вкус — трава травой, — вздохнула Шэнь Яогуан, без всякого удовольствия дожевывая еду.

Нянюшка Чжань, глядя на нее полным материнской нежности взглядом, улыбнулась:

— Завтра я сама приготовлю для барышни что-нибудь вкусненькое в малой кухне.

Шэнь Яогуан подняла сияющее личико и капризным голоском произвела на свет:

— Нянюшка, я хочу курицу, пропаренную в вине!

Услышав нежный, ласковый голосок своей питомицы, нянюшка Чжань растаяла всем сердцем и принялась торопливо приговаривать:

— Хорошо, хорошо, хорошо, сделаем.

Утолив вечерний голод, Шэнь Яогуан развалилась на мягкой кушетке в восточном флигеле. Цуй-Цуй тут же поспешила подложить ей под спину и бока несколько пухлых подушек. Убедившись, что барышня лежит с удобством, служанка осведомилась:

— Барышня, по какой же причине управляющий Чэнь так настаивал, чтобы вы к нему заглянули?

Услышав этот вопрос, Шэнь Яогуан вспомнила то, о чем ей докладывал лавочник в книжной лавке, покачала головой и вздохнула:

— Эх, дело тут замешано нешуточное.

Эту книжную лавку ее матушка в свое время выбила деньгами из герцога, но из-за неумелого ведения дел та оказалась на грани разорения.

После того как она переселилась в это тело, лавка сменила название на Четыре аромата. Затем Шэнь Яогуан подкинула стихотворение какого-то бессмертного поэта и письмом умаслила ученого мужа из Академии Ханьлинь Се Сяня, чтобы тот трижды прочел лекции по канонам и истории в ее заведении. Только благодаря этому лавка прогремела на всю округу и вернулась к жизни.

Господин Се отличался истинно благородным нравом: он не стал допытываться до чужих секретов и, ничуть не смущаясь ее скудными познаниями, на протяжении почти восьми лет оставался ее другом по переписке. Сегодня же управляющий Чэнь получил известие о том, что господина Се безвинно бросили в темницу по сфабрикованному обвинению в тайных встречах с наследным принцем.

Даже если бы она захотела помочь, ее возможности были сведены к нулю.

Взглянув на растерянную Цуй-Цуй, Шэнь Яогуан произнесла:

— Господина Се посадили в тюрьму.

— Что? — Цуй-Цуй была прекрасно осведомлена о переписке барышни с ученым мужем. С тревожным выражением лица она уставилась на Шэнь Яогуан. — Барышня, а что же теперь с ним будет?

Шэнь Яогуан с горечью на лице ответила:

— Управляющий Чэнь говорит, что его обвиняют в тайных свиданиях с наследным принцем. Насколько серьезным окажется это обвинение, зависит исключительно от воли императора. Тут остается молиться лишь о том, чтобы удалось сохранить жизнь.

Ей было прекрасно известно о прямолинейном и бескомпромиссном характере Се Сяня, который сильно расходился с императорским во взглядах на многие вопросы. О возвращении на службу не могло быть и речи, к тому же существовала огромная вероятность того, что беда

затронет и его семью. Первоочередной задачей сейчас являлось спасение жизней.

Услышав такое, Цуй-Цуй испуганно ахнула и накрыла рот ладонью.

— Будем действовать по обстоятельствам. Поможем чем сможем, — проговорила Шэнь Яогуан, мысленно решая, что все-таки необходимо отыскать способ повидаться с Се Сянем.

Цуй-Цуй, оглушенная услышанным, в полном тумане кивнула.

В этот момент занавеску отдернула вошедшая нянюшка Чжань:

— Барышня, горячая вода готова, извольте умываться.

Не желая волновать нянюшку понапрасну, Шэнь Яогуан взяла себя в руки, натянула на лицо улыбку, откликнулась и направилась в купальню, что находилась в западной части главного дома.

Хотя ее Двор Чжилань считался самым удаленным и обветшалым во всем герцогском поместье, он все же оставался подходящим жилищем для дочери герцога, и положенные удобства здесь присутствовали. К тому же за минувшие годы у нее появились собственные доходы, так что жить стало вполне сносно. Другое дело, что она прекрасно понимала: богатство напоказ не выставляют, поэтому предпочитала сохранять вид стесненных средств.

На первый взгляд Двор Чжилань выглядел просто и непретенциозно, но Шэнь Яогуан находила такую обстановку невероятно уютной. Жили здесь только они втроем — хозяйка и две служанки, — народ был немногочисленный, а жизнь текла вольно и беззаботно. Втайне она даже помышляла раздобыть фальшивые документы о прописке, чтобы в нужный момент беспрепятственно покинуть это место.

Сейчас Шэнь Яогуан с закрытыми глазами полулежала в деревянной бадье, а ее пальчики скользили по водной глади, поднимая легкую рябь. Ощущая приятное тепло, окутывавшее все тело, она невольно испустила тихое сокрушенное вздыхание.

На следующий день, едва минул час кролика, Шэнь Яогуан еще видела десятый сон, когда нянюшка Чжань принялась сонно раскатывать ее за плечи:

— Барышня, барышня, просыпайтесь же.

Поскольку вчера она засиделась за чтением легких романов далеко за полночь, встать не хотелось совершенно. Она перевернулась на другой бок и пробормотала со сна:

— Нянюшка, дайте еще немножко поспнуть... — и снова провалилась в сон.

Видя такую картину, нянюшка Чжань одновременно забавлялась и испытывала глухую досаду:

— Барышня, вставайте же, сегодня ведь еще нужно идти засвидетельствовать почтение госпоже.

Услышав это, Шэнь Яогуан словно током ударило. Она резким движением принялась сидеть, оловяными глазами уставилась на нянюшку и забормотала:

— Разве матушка не терпеть не может все эти формальности?

Нянюшка Чжань тут же напомнила:

— Разве барышня забыла? Сегодня же возвращается старшая барышня!

Разум Шэнь Яогуан еще не до конца очистился от сна, из-за чего в голове пульсировала тупая боль. Автоматически она выдала:

— И что с того?

— А то, что госпожа намерена прочитать младшим обитательницам поместья наставление! — вещая это, нянюшка принялась облачать ее в платье.

Сознание наконец вернулось к Шэнь Яогуан, и она остановила суетливые движения нянюшки, решив одеваться самостоятельно.

Надев наряд, она поинтересовалась:

— Это вчера прислала Цинлянь?

— Она самая, — кивнула нянюшка, параллельно помогая ей с расправлением складок.

— Простовато как-то... — Шэнь Яогуан окинула взглядом голубоватый тонкий халат свободного кроя с запахом и белую юбку из плотного шелка на нижней половине тела, а затем перевела глаза на присланные украшения, среди которых обнаружился лишь белофритовый обруч на шею да одна золотая булава с филигранью.

Нянюшка Чжань застегнула на ее шейке белый нефрит и пояснила:

— Наверное, из-за того, что старшая барышня годами вела монашеский образ жизни и носила лишь простые одежды, нам тоже не пристало затмевать ее своим нарядом.

В эту минуту в комнату вошла Цуй-Цуй с тазом горячей воды:

— Барышня, нужно поторопиться, время уже позднее!

Услышав это, нянюшка Чжань тоже засуетилась и принялась отдавать указания: одна служанка бросилась расчесывать волосы Шэнь Яогуан, а вторая принялась умывать ей лицо. Глядя на свое отражение в зеркале, Шэнь Яогуан вспоминала слова нянюшки о том, что она лицом уродилась в матушку: хотя выдающейся красотой та не блистала, зато обладала какой-то

особой свежей чистотой.

Смотревшее из зеркала лицо украшали ровные брови мягкого изгиба, а самым выразительным чертам лица приходились миндалевидные глаза, влажно блестевшие влагой, с чуть приподнятыми уголками. Когда она улыбалась, они превращались в изящные полумесяцы, источающие неизбыточное дружелюбие. Переносица была ровно такой, какой следовало, а кончик носа слегка вздернут, придавая облику нотку милой простоты. Лицо казалось чуть округлым, кожа белела молочной белизной, а на щеках то и дело проступали крошечные ямочки от улыбки.

Эта внешность все же на пять с лишним частей напоминала ее прежний облик в том мире.

Закончив с прической и макияжем, она на ходу забросила в рот пару пирожных, прихватила Цуй-Цуй и выпорхнула за ворота двора, спеша в Утунъюань, где проживала хозяйка дома. Поскольку ее собственный путь был самым долгим, шагать пришлось довольно ходко.

Едва миновав небольшой сад, она услышала за спиной суровый оклик:

— Шэнь Яогун, чего это ты вышагиваешь с такой спешкой? Где тебя учили столь неподобающим манерам?

<http://bllate.org/book/21409/2184844>